

Будучи легко бронированными и свежими после ожидания в засаде, они могли преследовать отставших так далеко и столь долго, сколько потребуется.

У меня отяжелели руки от усталости. Никогда прежде я не сражался, — или тренировался, — так усердно и долго. Молодость начала играть против меня. У меня еще нет выносливости, заработанной в боях зрелыми мужчинами... блять, мне вообще всего четырнадцать! Или, как говорят здесь, «четыре и десять». Как бы то ни было, удары моего кистеня слабели. По большей части, высокий урон я продолжал наносить только из-за того, что оружие само по себе было тяжёлыми и за счёт инерции, сминало броню и калечило, но уже не убивало на месте. Я с трудом удерживал щит, едва не выронив его трижды, пока осыпал ударами оруженосца с длинным молотом. Наконец мне удалось выбить оружие из его руки и врезать по лицу щитом.

Он повалился на землю, прикрыл рукой разбитое, окровавленное лицо и приглушённо завопил:

— Пощады, милорд! Я сдаюсь, пощадите!

Почти сразу из центра скопления людей начали раздаваться согласные крики, мгновенно нарастая:

— Пощады!

— Пощады! Богами молю, пощады!

— Мы сдаемся!

Я почти раскроил шлем какого-то рыцаря, прежде чем действительно «услышал» эти призывы. Ключевое слово — почти. Повезло, что успел остановиться. Не хватало ещё на глазах у всех убивать сдавшихся противников.

Лорд Виндхилл скомандовал соблюдать порядок, пока остатки краггнеровских сил складывали оружие, сбиваясь в кучу среди павших товарищей. Всадники тоже вскинули руки вверх; мечи и щиты полетели на землю. Несколько отставших всё ещё пытались пробиться наружу, но их безжалостно изрубили — и это окончательно укротило безоружных.

Я вторил приказам лорда Виндхилла. Мои люди слегка отступили, пока я, в окружении личной гвардии — точнее, того, что от нее осталось — оценивал обстановку.

Моё очистившееся от боевой горячки сознание, наконец охватило всю картину целиком. Зрелище... ужасающее.

Я насчитал немало людей в моих ливреях, распростёртых среди тел, но их число намного, намного уступало числу убитых в цветах Краггнера. Уцелевшие ублюдки сбились в кучу, без

единого клинка; на перепачканных грязью и кровью лицах застыл страх. Многие были ранены в разной степени — от неглубоких порезов, до едва держащихся на ногах, утыканных арбалетными болтами. Лошади тоже усеивали землю, и многие всё ещё жалобно хрипели. Трава и утопанная земля превратились в жидкое месиво кроваво-грязной жижи. Брошенное оружия валялось там, где его выпустили из рук, а оружие погибших часто всё ещё сжимали мертвые пальцы — жутковатая демонстрация боевой выучки.

— Взять пленных под стражу! — скомандовал лорд Виндхилл.

Позже поблагодарю за это. Сейчас у меня не хватало ментальных сил отдать приказ — остатки их уходили на то, чтобы переварить увиденное. Мои люди с заминкой уставились на меня, и, только после резкого кивка, последовали приказу Виндхилла.

Менее чем через час пленных, разоруженных и раздетых, — их доспехи сваленных в кучу, — привели ко мне. Многих их коней, относительно невредимых, увели в небольшую конюшню — трофеи этой битвы. Хорошие дестриеры, выращенные и обученные для войны — редкая добыча. Тех, кто не мог идти, тут же убивали. Поскольку трона у меня не было, а сидеть верхом пока не хотелось, я выбрал подходящее место за самым большим столом, которое смогли найти, в самом роскошном здании. Полагаю, оно раньше было поместьем деревенского старосты. Ну, не уверен насчет точного титула старосты, да и называть это поместьем было слишком щедро. Но суть не в этом.

Пока часть моих людей помогала воинам лорда Виндхилла в тушении пожаров, следя за тем, чтобы огонь не распространился дальше, я подсчитывал наши потери. Из моих воинов, насчитывавших чуть более двух сотен, включая отряд Виндхилла, я потерял около сорока человек, из них всего пятеро, как ни странно, виндхилловских. Еще дюжина моих вряд ли переживет ночь от ран. Потери с одной стороны шокировали, а с другой... радовали. Потому что потери как таковые, в любом случае неизбежны, но при условии того, что сражались мы с равным числом столь же хорошо вооруженных бойцов, соотношение убитых/погибших было удивительным, в хорошем смысле этого слова.

Что касается остальных, то почти половина получила ранения, но лишь около двух десятков — настолько серьезные, что требовалось лечение и внимание мастера. Я распорядился их немедленно погрузить в повозки, припрятанные в одном из амбаров. Раны перевязали, насколько возможно.

Краггнеровцам пришлось куда хуже. Из их примерно двух сотен более половины пали или умирали прямо сейчас. Большинство молили о милосердии Неведомого после капитуляции. Я позволил своим людям даровать им желаемое, но только если пленные выглядели слишком невменяемыми для допроса. Увы, таких было большинство. Немногие, кто оставался в достаточно ясном уме, чтобы говорить, выложили всё как на духу в обмен на избавление от мучительной смерти. У кое-кого в буквальном смысле вываливались внутренности. Крупницы сведений, которые мне удалось от них получить, лишь дополняли общую картину случившегося, но не касались будущих планов или заговоров, как я надеялся. Лорд Краггнер держал карты при себе.

Что до выживших, которым не грозила скорая смерть... они сломались. Настолько резкий переход от грабежа и развлечений к сокрушительному поражению, надломил их волю. И это проблема, поскольку я не знал, что делать с пленниками. У меня было полное право казнить их прямо сейчас, и появился хоть проблеск гнева или жажды мести — тут же это сделали бы. Но поскольку пленники абсолютно послушны и смиренны, убивать нельзя, это не принесет мне расположения и не даст желаемых сведений. Они, конечно, воевали против меня, но они же солдаты — исполняли приказы нанимателя и сюзерена. Само-собой от наказания их ничто не спасёт, поскольку оправдание «я просто выполнял приказ», здесь не котируется, как и на Земле. По крайней мере я его не признаю. Но при этом, я не настолько жесток, чтобы перевешать их всех за действия и распоряжения их господина. Если следовать такой логике, то приходилось бы все разгромленные армии вырезать подчистую.

Как же быть, как быть...

— Где лорд Краггнер? — спросил я у человека, похожего на капитана, которого довольно грубо приволокла моя гвардия. — Где ваш лорд, солдаты?

Он поморщился. На бинтах проступила кровь, но повязка, наложенная после извлечения арбалетного болта, кое-как удержалась.

— Он мертв, милорд, — пробормотал человек.

Мертв?

— Здесь? — я указал на груды тел.

<http://tl.rulate.ru/book/94117/4222761>